

Т. Н. Гончарова

УДК 94(44).06

Сведения об авторе

Гончарова Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ВОСПРИЯТИИ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПУБЛИЦИСТОВ (1814–1848)

Резюме

Данная статья ставит перед собой задачу выяснить, какое представление о русской литературе сложилось во Франции в период с 1814 по 1848 гг. посредством переводов, обзоров книжных новинок и критических статей. Известная как «Золотой век русской литературы», эта эпоха гордится именами А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. М. Карамзина и др. Однако лишь малая толика их творчества стала доступна французскому читателю в первой половине XIX века. Причинами тому, как указывает автор, было и предвзятое отношение к России как к стране «северных варваров», у которых отсутствует творческое начало, и незнание русского языка. Немногие французские журналисты и писатели, проявившие интерес к достижениям русской словесности, руководствовались, как правило, либо политическими симпатиями, либо биографическими antecedентами (пребывание в России или личные знакомства с русскими литераторами). Особенное внимание уделено французскому журналу «*Revue Encyclopédique*», публиковавшему регулярную хронику петербургской культурной жизни и освещавшему творчество Пушкина. Нельзя не признать, тем не менее, что французский интерес к русской словесности носил по преимуществу поверхностный характер, а качество переводов оставляло желать лучшего, что придает еще большую ценность деятельности Проспера Мериме в деле популяризации русской литературы. Его репутация и политический авторитет способствовали лучшему узнаванию ее во Франции последующей эпохи.

Ключевые слова: «Золотой век русской литературы», русско-французские литературные связи, «*Revue Encyclopédique*», П. Мериме.

T. Goncharova

Information about the author

Goncharova Tatiana Nikolaevna — PhD in History, Docent of the Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru

RUSSIAN LITERATURE IN THE PERCEPTION OF FRENCH WRITERS AND PUBLICISTS (1814–1848)

Summary

This paper deals with the image of Russian literature, as it was received in France in the period from 1814 to 1848 through translations, reviews of new books and critical articles. Known as the «Golden Age of Russian literature», this era is proud of such names as those of A. Pushkin, N. Gogol, N. Karamzin etc. However, only a small part of their work was made available to French readers in the first half of the 19th century. The reasons for this, according to the author, were a biased attitude towards Russia considered as a country of «Northern barbarians» unable to create anything, and a lack of knowledge of the Russian language. The few French journalists and writers who took interest in the achievements of Russian literature had, as a rule, either political sympathies, or biographical antecedents (having lived in Russia or entertaining personal contacts to Russian writers). Particular attention is paid to the French magazine «Revue Encyclopédique» which published regular chronicle of St. Petersburg cultural life and covered the works of Pushkin. It must be admitted, however, that the French interest in Russian literature was mostly superficial, and translation quality was poor, which gives all the more value to the contribution of Prosper Mérimée to the popularization of Russian literature. His reputation and political weight have contributed to a better recognition of it in France in the subsequent era.

Keywords: «Golden Age of Russian literature», French-Russian literary connections, «Revue Encyclopédique», P. Mérimée.

Катастрофа, увенчавшая вторжение Великой армии Наполеона в российский предел в 1812 г., имела следствием победоносное вступление

императора Александра I во главе своих войск в Париж (31 марта 1814). Так два победных года запечатлели образ России во французском коллективном сознании как мощной в политическом и военном отношении державы. Тем не менее, растражированное наполеоновской пропагандой прозвище «северные варвары», продолжало преследовать русских во Франции в эпоху конституционных режимов Реставрации и Июльской монархии (1814–1830, 1830–1848). Российская империя воспринималась как дикая и необузданная сила, лишённая сдерживающего культурного начала и, следовательно, как потенциальная угроза цивилизованной Европе.

Впрочем, мало кто из французов в первой половине XIX столетия испытывал реальный интерес к России, тем более к ее литературе, которую принято было считать несуществующей. И это несмотря на то, что период с 1814 по 1848 гг., на который пришлось творчество таких корифеев русской словесности, как А. С. Пушкин и Н. И. Гоголь, получил с легкой руки литературного критика М. А. Антоновича название «золотого века русской литературы»¹.

Писатель, литературный критик и переводчик Проспер Мериме, автор неувядающей «Кармен», приобрел славу первого во Франции популяризатора лучших достижений русской словесности. Почитатель творчества А. С. Пушкина, Н. И. Гоголя, И. С. Тургенева, он, овладев русским языком, перевел некоторые из их произведений на французский язык², посвятил им ряд статей и предисловий к французским изданиям их сочинений. И, благо-

¹См.: Антонович М. А. Литературный кризис // Современник. 1863. Впоследствии термин «золотой век» стал применяться к русской прозе всего XIX века, вплоть до А. П. Чехова, тогда как русская поэзия удостоилась этого термина по большей части применительно к первой трети XIX века.

²Начав изучение русского языка в конце 1820-х гг. с другом Пушкина поэтом С. А. Соболевским, Мериме продолжил занятия в конце 1840-х гг. с помощью В. И. Дубенской, супруги французского дипломата Т. де Лагрене, проведшего в России несколько лет в качестве секретаря посольства Франции в Санкт-Петербурге (1823–1826, 1828–1834). См.: Виноградов А. К. Мериме в письмах к Дубенской. Письма к семье Лагрене. М., 1937; а также: Французский поверенный в делах Теодор де Лагрене о причинах финансовых затруднений российского дворянства и императорского кабинета (1833 год). Перевод с фр. яз., вступительная статья и комментарии Т. Н. Гончаровой // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. Санкт-Петербург, 2014. № 12. С. 228–245; Теодор де Лагрене о цензуре в Российской империи (1825 год). Перевод с фр. яз., вступительная статья и комментарии Т. Н. Гончаровой // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. Санкт-Петербург, 2015. № 15. С. 192–225.

даря своему авторитету, привлек к ним внимание французских читателей³. Популяризаторская деятельность Мериме пришлось в основном на 1850-е – 60-е гг. после того как в 1849 г. вышла в его переводе «Пиковая дама» Пушкина. Безусловно, он не был первым французским литератором, кто приложил усилия к ознакомлению французской общественности с произведениями русских писателей. И до него нашлись отдельные энтузиасты из числа французских публицистов, которые на фоне всеобщего равнодушия предприняли попытки, не всегда, впрочем, успешные, развеять неведение своих соотечественников в этой области. О некоторых из них пойдет речь в данной статье, ставящей перед собой задачу выяснить образ литературной России, который транслировался во Франции посредством переводов, обзоров книжных новинок и критических статей в период с 1814 по 1848 гг.

Но прежде – несколько слов об общем контексте интересующей нас исторической эпохи. Предшествующее столетие, известное как Век Просвещения, закрепило за французской культурой господствующее положение в Европе. В результате, полные осознания собственной непревзойденности носители французской цивилизации мало интересовались литературной и интеллектуальной жизнью за пределами Франции. Из иностранных авторов во Франции первой половины XIX века имели некоторое хождение произведения, главным образом, английских и итальянских писателей. Что же, к примеру, до немецкой литературы, то она долгое время оставалась неизвестной широкой публике, и только Жермена де Сталь, без преувеличения, открыла ее для французов, издав в 1810 г. книгу «О Германии». С эпохи правления Людовика XIV французский язык исполнял роль универсального средства общения между образованными людьми Европы. Наследников русских дворянских родов обучали французскому прежде, нежели родному языку, который, к слову, в XVIII и первой половине XIX веков находился еще на стадии формирования, во всяком случае, в литературной своей версии. Читать и писать по-французски воспринималось как нечто само собой разумеющееся для русской элиты и привилегированных слоев общества, которые, воспитываясь в детские годы под присмотром французских гувернеров и гувернанток, впитывали в себя элементы французской культуры. Русские галломаны с удивительной легкостью сочиняли стихи и прозу на французском языке, как граф А. П. Шувалов, автор изящного «Поэтического послания к Нинон Ланкло» («*Épître à Ninon Lenclos*», 1773), которое современники приписывали Вольтеру. Увлечение французской просветительской философией

³См.: *Мериме П.* Статьи о русской литературе. М., 2003.

в правление Екатерины II, состоявшей в переписке с Вольтером, находило выражение на самом высоком государственном уровне, примером чего может служить составление «Наказа» для Уложенной комиссии или перевод главы «Велизария» Ж.-Ф. Мармонтеля лично императрицей.

Однако Французская революция 1789 г., как и последовавшие войны против наполеоновской Франции, в которых Россия принимала активное участие в составе европейских коалиций (1798–1799, 1805–1807), а также Отечественная война и Заграничные походы (1812–1814), имели следствием все большее распространение галлофобии, чему в немалой степени способствовала и правительственная пропаганда. Иллюстрацией этой тенденции могут служить «Мысли вслух на Красном крыльце» – сатирическое произведение Ф. В. Ростопчина, снискавшее своему автору после публикации в 1807 г. большой успех, который превзошла только слава организатора знаменитого пожара в пору расквартирования наполеоновских войск в Москве (1812). Герой Ростопчина «ефремовский дворянин, Сила Андреевич Богатырев, отставной подполковник, израненный на войнах» рассуждал следующим образом: «Господи помилуй! Да будет ли этому конец? Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву, и плюнув сказать французу: сгинь ты дьявольское наваждение! Ступай в ад, или восвояси – все равно; только не будь на Руси»⁴. Национальная самоидентификация, любовь к Отечеству, апеллирование к историческому и культурному опыту России в годы противостояний с Францией выходили на первый план. Однако и после таких выпадов против галломании, в которой принято было видеть слепую подражательность всему французскому, российское дворянство в первой половине XIX столетия продолжало тяготеть к французской культуре во всех ее проявлениях, будь то образ жизни, мода, манеры, язык. Вспомним хотя бы Татьяну Ларину, героиню пушкинской эпохи, уездную барышню, которая «по-русски плохо знала», читала сентиментальные романы Ричардсона и Руссо и писала Онегину по-французски, не приученная изъясняться на родном языке и не имевшая никакого понятия о русской поэзии или прозе.

Правда и то, что национальная литература в России, начало которой положили петровские реформы, к 1814 г. насчитывала всего около столетия. Что же до старинных народных песен, сказаний, былин, то про-

⁴Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева // *Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце* / Сост., предисл., перевод с фр., примеч. А. О. Мещеряковой / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014. С. 420.

цесс их собирания и записывания шел параллельно с формированием литературного языка. В первой половине XIX века литературные анналы России пополнились новыми выдающимися произведениями и именами. Впрочем, уже к 1822 г. накопилось столь большое количество значимых явлений в области словесности, что журналист и филолог Н. И. Греч счел необходимым издать первый в своем роде «Опыт краткой истории русской литературы». К слову, он же руководил изданием вышедшей годом ранее на французском языке «Грамматики русской для употребления иностранцев» за авторством К. Ф. Рейфа⁵. Не лишне, однако, указать, что незнание русского языка не считалось в то время постыдным даже для переводчиков, как будет видно из последующего изложения.

Во Франции бытовало мнение о том, что Россия начисто лишена самобытной культуры. Причину тому видели либо в подражательстве французским образцам в ущерб оригинальности, либо в полной неспособности русских и отсутствии у них творческого начала в силу гнетущего свободную мысль самодержавия или особенностей мерзлой и бесплодной почвы. Литератор Ж.-П. Дюрдан писал, к примеру, что склонность россиян к французскому языку и великим французским писателям «долго еще будет противиться появлению у русских национальной литературы»⁶. Жозеф де Местр и Жермена де Сталь, несмотря на показное русофильство, высказывались в более пессимистичном духе. «Поэзия, красноречие, литература нисколько не встречаются в России»⁷, – заявила знаменитая писательница, побывав на русской земле лишь проездом в 1812 г. Намного более удивительно с этой точки зрения суждение Ж. де Местра, который провел 14 лет при дворе Александра I: «Не устаю повторять, что не увидел в этой стране и тени настоящего таланта; наука это плод незнакомый данному климату»⁸. Под наукой, разумеется, Ж. де Местр подразумевал культуру в целом.

Те из французских литераторов, кто проявлял неподдельный интерес к русской словесности, были, как правило, так или иначе связаны с Россией в силу обстоятельств биографического характера. Парижский литературный журнал «*Revue Encyclopédique*» («Энциклопедическое Обозрение»), выходивший с 1818 по 1831 гг. под редак-

⁵*Reiff Ch.-Ph.* Grammaire russe à l'usage des étrangers. Saint-Petersbourg, 1821.

⁶*Durdent J.-R.* Époques et faits mémorables de l'histoire de Russie depuis Rurik, fondateur de cet Empire, jusqu'à Alexandre Ier. Paris, 1816. P. 300.

⁷Mémoires de Madame de Staël (Dix années d'exil). Ouvrage posthume publié en 1818 par M. le duc de Broglie et M. le baron de Staël. Paris, 1843. P. 295.

⁸*Maistre J. de.* Livre journal 1790–1817. Paris, 1923. P. 170.

цией М.-А. Жюльена, вождя левой прессы, имел в качестве секретаря редакции и деятельного сотрудника Эдмона Иоахима Геро (Эро), считавшегося во Франции 1820-х гг. едва ли не лучшим знатоком русской литературы. Прибыв в Санкт-Петербург в 1809 г., он провел там около десяти лет, промышляя тем, что давал частные уроки и, хорошо овладев русским языком, впоследствии часто выступал на страницах «Revue» с критическими статьями и переводами из русских литераторов. Не будет преувеличением сказать, что Эдмон Геро стал вдохновителем интереса, который «Revue Encyclopédique» демонстрировала по отношению к русской словесности, публикуя на всем протяжении своего существования, до 1835 г., хронику петербургской культурной жизни.

Один из корреспондентов журнала, Жан-Мари Шопен, сын французского скульптора, рекрутированного Екатериной II для дворцового строительства, обладал хорошим знанием петербургского высшего света. Начав карьеру в качестве личного секретаря и библиотекаря при князе А. Б. Куракине в пору, когда тот в качестве посла представлял Россию при дворе Наполеона (1808–1812), Ж.-М. Шопен после смерти своего покровителя в 1818 г. обосновался в Париже. По истечении четырех лет своего там пребывания он выпустил в свет «О современном состоянии России, или заметки о царящих в ней нравах, ее политическом влиянии и литературе, с последующими стихами, переведенными с русского языка»⁹.

Приобщение к русской литературе могло, впрочем, происходить не только в Санкт-Петербурге или Москве, но и в Париже. Пример Шарля Гегэн де Герля, профессора и латиниста Парижского университета, в данном случае особенно красноречив. Гегэн де Герль был завсегдатаем салона красавицы княгини Екатерины Багратион на улице дю Мон-Блан, где среди прочих у вдовы знаменитого полководца собирались французские и русские литераторы, и в этой среде черпал свою информацию.

Среди французских публицистов, писавших о русской литературе в 1830-е гг., были и те, что состояли в браке с русскими дамами, как в случае Ф.-А. Лёве-Веймара, П. де Жюльвекура, А. де Сиркура, И. Маскле. Некоторые из их жен имели отношение к литературным кругам. Так, супруга Лёве-Веймара, в девичестве Гольнская, приходилась родственницей Н. Н. Пушкиной, Лидия Жюльвекур была дочерью литератора Н. С. Всеволожского, графиня Анастасия де Сиркур, урожденная Хлюстина, сама писала о русской литературе в женевских журналах. Что же

⁹Chopin J.-M. De l'Etat actuel de la Russie, ou Observations sur ses moeurs, son influence politique et sa littérature, suivies de poésies traduites du russe. Paris, 1822.

до Маскле, то он овдовел в 1816 г. и был обязан своей русской супруге званием камергера и почетным членством в литературных обществах. Заметим к слову, что Лёве-Веймар, Жюльвекур и Сиркур имели ярко выраженные монархические и легитимистские убеждения, что, безусловно, мотивировало их симпатию к России как оплоту порядка, тогда как Франция Июльской монархии символизировала в их глазах парламентскую и конституционную растленность. Такая идеализация России, которую историк литературы В. А. Мильчина назвала «легитимистским русским миражом»¹⁰, нашла выход и в русских браках и в гипертрофированном, по понятиям того времени, интересе к русской словесности.

Знакомство с произведениями русских писателей во Франции происходило как через переводы, так и посредством рецензий на них, сведений из истории развития русской литературы, а также упоминаний о ней в работах общего характера о России. Среди переводов, вызвавших наибольший резонанс, стоит особо отметить издание восьми томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина¹¹ в 1819–1820 гг. Авторами перевода были Сен-Тома и Жоффре, преподаватели французского языка в Императорском университете и Смольном институте Санкт-Петербурга. Карамзин имел тогда славу лучшего прозаика России. Так отзывались о нем П. А. Вяземский и А. С. Пушкин¹², с ними были согласны французские критики. В частности, автор анонимной статьи, напечатанной в «Revue des Deux Mondes» за 1837 г., заявлял, что Карамзин – единственный «достойный прозаик» на всю Россию. Считалось, что в поэзии русские преуспели намного больше, чем в прозе.

Путешествие в Россию, совершенное Эмилем Дюпре де Сен-Мором в 1819 г., вдохновило этого начинающего французского литератора на составление подборки стихотворных произведений русских авторов. «Русская антология» Дюпре де Сен-Мора¹³ вышла в 1823 г., представив на суд французских ценителей эклектичный набор произведений, написанных

¹⁰Мильчина В. А. “Русский мираж” как прообраз “Русской идеи”. «Предисловие к “Балалайке”» Поля де Жюльвекура // К истории идей на Западе: «Русская идея» (сборник статей) / Под ред. В. Е. Багно и М. Э. Маликовой. Санкт-Петербург, 2010. С. 206–207.

¹¹Karamsin N. Histoire de l'Empire de Russie. Traduite par MM. St. Thomas et Jauffret. 8 vol. Paris, 1819–1820.

¹²Дурылин С. Н. П. А. Вяземский и «Revue encyclopédique» // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31/32. Кн. II. С. 95, 100.

¹³Dupré de Saint-Maure E. Anthologie russe, suivie de pièces originales, dédiée à S. M. l'Empereur de Toutes les Russies. Paris, 1823.

в разных поэтических жанрах (поэма Пушкина «Руслан и Людмила», баллада Жуковского «Светлана», ода Дмитриева «Ермак», трагедия Озерова «Дмитрий Донской», басня Крылова «Крестьянин и Лисица», сатиры Кантемира). Произведениям были предпосланы биографические справки об их авторах, многие из них сопровождались примечаниями.

Начиная с февраля 1821 г., когда в «Revue Encyclopédique» появилась лестная заметка о петербургском издании «Руслана и Людмилы», автор которой возлагал большие надежды на молодого творца, подчеркивая первостепенные красоты стиля и языка («то энергический, то грациозный, но всегда изящный и ясный»¹⁴), творчество Пушкина регулярно освещалось на страницах журнала. Литературные хроникеры парижского издания, по большей части из числа русских корреспондентов, такие как С. Д. Полторацкий, П. А. Вяземский, Я. Н. Толстой, без промедления информировали читателей о новых произведениях опального поэта, изданных в России. Как пишет биограф Я. Н. Толстого: «Он, в частности, опубликовал в “Revue Encyclopédique” развернутую рецензию на пушкинского “Евгения Онегина”. От него французы узнали о выходивших в Петербурге литературных журналах “Полярная звезда” А. А. Бестужева (Марлинского) и “Северные цветы” А. А. Дельвига; из его публикаций французская читающая публика смогла оценить творчество Н. М. Карамзина и вклад этого крупного писателя и историка в русскую культуру. Толстой рассказывал французам о деятельности Российской Академии наук и давал описание северных берегов Сибири. Он высказывался по всем вопросам, которые считал необходимым разъяснить несведущим в русских реалиях французам»¹⁵. Но даже при наличии столь компетентных и ярких пропагандистов творчества А. С. Пушкина, как и в целом русской культуры во Франции, стихотворных переводов было немного и их нельзя назвать блестящими. В 1826 г. вышел в переводе «Бахчисарайский фонтан», правда, во французской версии он назывался «Фонтан плача»¹⁶. Ж.-М. Шопен, пере-

¹⁴Александр Пушкин. Выписка из «Revue encyclopédique» 1821 г. с биографическими сведениями о Пушкине. Режим доступа: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/documents/vypiski/vypiski-011.htm> (Дата обращения 03.03.2016).

¹⁵Черкасов П. П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008. С. 95.

¹⁶La Fontaine des Pleurs, poème de M. Alexandre Pouschkin, traduit librement du russe par J.-M. Chopin. Paris, 1826.

ведший поэму, объяснял изменение заголовка опасением, как бы «татарское название не ранило эвфонические привычки французских ушей»¹⁷.

После некоторого затишья на волне польских симпатий, вызванных ноябрьским восстанием в Варшаве 1830 г. и кровавым подавлением его войсками Паскевича, возобновление интереса к русской словесности можно отнести к началу 1837 г., и спровоцировано оно было известием о гибели Пушкина. Лёве-Веймар, в частности, посвятил событию статью в «*Journal des Débats*», где постарался представить в положительном свете роль императора Николая I в жизни поэта, но, главным образом, писал о той великой потере, которую представляла собой гибель Пушкина для русской словесности. В 1837 г. Жюльвекур выпустил сборник «Балалайка. Русские народные песни и другие поэтические отрывки, переведенные стихами и прозой»¹⁸, а в 1843 г. «Ятаган»¹⁹, куда были включены переводы прозаических произведений – «Пиковой дамы» А. С. Пушкина и «Ятагана» Н. Ф. Павлова. Десятая годовщина трагической дуэли была отмечена публикацией в 1847 г. избранных сочинений Пушкина в переводе А. Дюпона, профессора литературы петербургского Института путей сообщения²⁰.

Творчество Н. В. Гоголя стало открытием для французского читателя в 1845 г., благодаря изданию переводов его повестей «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска»²¹, предпринятому журналистом Луи Виардо. Опубликованная в том же году в журнале «*Illustration*» анонимная статья возвела творчество Гоголя на пьедестал: «Первый писатель полностью оригинальный, которого произвела русская литература...»²².

Отметим, что за упомянутыми выше переводами часто вырисовывался профиль русского заказчика. Карамзин лично выступил инициатором перевода своей исторической прозы на французский язык. За антологией Дюпре де Сен-Мора стояли русские, о которых он упомянул в предисловии, не называя их имен. Инициатива ознакомления французского читателя с творчеством Гоголя исходила от И. С. Тургенева, который посоветовал Виардо предпринять публикацию его повестей. Француз-

¹⁷Цит. по: *Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894)*. Paris, 1967. P. 148.

¹⁸*Julvécourt P. de. Balalayka. Chants populaires russes et autres morceaux de poésies traduits en vers et en prose*. Paris, 1837.

¹⁹*Julvécourt P. de. Yatagan*. Paris, 1843.

²⁰*Dupont H. Oeuvres choisies d'A. S. Pouchkine*. Paris, 1847.

²¹*Gogol N. Nouvelles russes, traduction française publiée par Louis Viardot*. Paris, 1845.

²²Цит. по: *Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe... P. 240*.

ские писатели и журналисты зачастую выступали посредниками или даже орудиями в руках русских, стремившихся положить конец культурной изоляции своей страны. Фаддей Булгарин имел все основания написать: «Есть у нас люди, которые хватают всех проезжих иностранных писателей для того, чтобы внушить им собственные идеи о литературе и русских авторах...»²³. Своеобразное *captatio benevolentiae* имело место в 1820-х гг., но с еще большей очевидностью в 1830-х и 1840-х гг., когда Третье Отделение взяло на себя контроль за публикациями о российской политике и литературе во Франции. Его агенты, состоявшие при посольстве России в Париже, Элим Мещерский и Яков Толстой, имели обязанностью защиту русских литераторов от нападков и получали за это вознаграждение.

Впрочем, и французские переводы русские зачастую вынуждены были брать на себя. П. А. Вяземский сетовал в письме к издателю «Revue Encyclopédique» М.-А. Жюльену, объясняя, что вынужден посылать во Францию немецкие переложения своих статей и заметок: «Нам очень трудно, чтобы не сказать невозможно, найти здесь кого-нибудь, кто мог бы хорошо переводить с русского на французский; немцы выучивают наш язык с большей легкостью, чем ваши соотечественники...»²⁴. Не зная языка, французы все же умудрялись осуществлять переводы, качество которых оставляло желать лучшего. Механизм такого перевода был отлажен: русские, имевшие прямое или косвенное отношение к литературе (иногда сам автор произведения), осуществляли дословный перевод на французский, который потом корректировался носителем языка, в случае необходимости рифмовался и облекался в стихотворную форму. Таким способом Дюпре де Сен-Мор, проживший в России более трех лет, но так и не выучивший язык, сумел издать «Русскую антологию». Почти сразу после публикации появилось много критических замечаний относительно качества перевода. Стремясь «поймать» рифму, Сен-Мор пускался на всевозможные ухищрения... Отсюда неверность оригиналу до такой степени, что от «игристого пенящегося Пушкина ничего не осталось...»²⁵.

Впрочем, сама природа поэтического таланта, по справедливому замечанию одного журналиста, приговаривала пиитов к тому, чтобы вызывать восхищение только у соотечественников²⁶. Стоит отметить, что с тех пор ситуация со стихотворными переводами практически не претерпела

²³Ibid. P. 238.

²⁴Дурьлин С. П. П. А. Вяземский и «Revue encyclopédique»... С. 95.

²⁵Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe... P. 124.

²⁶Ibid. P. 197.

никаких изменений. Натали Саррот, известная французская писательница с российскими корнями, думала точно так же, как упомянутый выше журналист, когда говорила в одном из интервью: «Хорошие переводчики – те, кто стремится более всего приблизиться к ритму фразы. По этой причине французы не могут читать Пушкина, например, это непереводаемо»²⁷.

Большая часть суждений французских писателей и публицистов о русской литературе носила сдержанный характер и представляла собой набор клише, из которых главным было обвинение в подражательности. Эдмон Геро утверждал в 1826 г., что в России все имитация, «за исключением некоторых стихов Ломоносова, большого числа стихов Державина, многих басен Хемницера и Крылова»²⁸. Мысль о бедности русской литературы самобытными талантами и подражании французским моделям периода правления Людовика XIV была преобладающей. Маркиз де Кюстин, чья книга «Россия в 1839 году» появилась в печати в 1843 г. и имела громкий резонанс в Европе, не выказал интереса к русской словесности из явного к ней пренебрежения. Да и могло ли быть иначе для писателя, который сравнивал великосветских космополитов с дрессированными медведями и, по мнению которого, «русские покуда еще не просвещенные люди, но уже испорченные дикари»²⁹? А вот отрывок из рецензии Ж. де Молен в «*Journal des Débats*» на публикацию «Избранных произведений» Пушкина: «Нет, несмотря на Пушкина и его труды, я не могу поверить в русских поэтов... Пушкин писал обо всем... И не показал себя оригинальным ни в чем... оригинальность не существует у народа дитя. Еще менее у народа раба»³⁰.

Из этого общего хора вырывались, время от времени, отдельные голоса. Один из них принадлежал Гегэн де Герлю, автору книги «Русские бдения» (1827), другой – Жюльвекуру. Русская поэзия, писал Гегэн, достигла совершенства с первого раза, без проб и ошибок: «Более счастливые, чем мы, русские не были обречены на то, чтобы восхищаться Дю Бартасами и Ронсарамы прежде чем получить Малерба...»³¹. Ему вторил Жюльвекур, когда утверждал, что русская литература «совершила за сто и несколько лет

²⁷Benmussa S. Entretiens avec Nathalie Sarraute. Tournai, 2002. P. 72.

²⁸Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe... P. 148.

²⁹Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг и др. Изд. 3-е. Санкт-Петербург, 2008. С. 311.

³⁰Journal des Débats, 17 novembre 1848. Цит. по: Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe...P. 242.

³¹Héguin de Guerle Ch. Les veillées russes. Paris, 1827. P. 2.

своего существования работу многих столетий»³². Есть основания подозревать, что Гегэн де Герль высказывал не вполне самостоятельные суждения, а Жюльвекур льстил из легитимистских симпатий. Но были и такие, кто, не вдаваясь в крайности порицания или лести, признавал задатки оригинальности у русских авторов и высказывал веру в будущее русской словесности, как граф де Сиркур в своем обзоре литературной России 1838 г.³³

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что французские писатели и публицисты эпохи Реставрации и Июльской монархии, так или иначе связанные с Россией в силу обстоятельств их биографии или из политических симпатий, предприняли усилия для того, чтобы развеять миф об отсутствии у русских национальной литературы. Зачастую они делали это в угоду пропагандистской кампании российского правительства или параллельно с ней, имея в качестве поставщиков свежей информации русских прозаиков, поэтов и литературных критиков. Приходится констатировать, однако, что усилия вышеперечисленных энтузиастов из числа французских литераторов и переводчиков были востребованы, главным образом, в кругу интеллектуальной элиты, среди которой мнения о настоящем и будущем русской словесности иногда диаметрально расходились. И это придает еще большую значимость деятельности такого популяризатора русской словесности, как П. Мериме, известность и авторитет которого способствовали лучшему узнаванию творчества русских литераторов во Франции последующей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Богинская А. Д. Русская тема в творчестве Мериме // Ученые записки Московского обл. пед. ин-та. Т. 34. Труды зарубежной литературы. Вып. 2. М., 1955. С. 131–155.

Дурылин С. Н. П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique» // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31/32. Кн. II. С. 89–108.

Лотман, Юрий Михайлович. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 1994.

Мильчина, Вера Аркадьевна. Россия и Франция. Дипломаты, литераторы, шпионы. Санкт-Петербург: «Гиперион», 2004.

³²*Corbet Ch.* L'opinion française face à l'inconnue russe... P. 202.

³³*Ibid.* P. 194–196.

Мильчина, Вера Аркадьевна. «Русский мираж» как прообраз «Русской идеи». «Предисловие к “Балалайке”» Поля де Жюльвекура // К истории идей на Западе: «Русская идея» (сборник статей) / Под ред. В. Е. Багно и М. Э. Маликовой. Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского Дома, издат. дом «Петрополис», 2010. С. 206–217.

Трыков В. П., Ощепков А. Р. Вхождение русской литературы в культуру Франции. Первый этап от Ломоносова до Пушкина // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 4 (июль–август). Доступно из: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/4/Trykov~Oshchepkov_Russian_Literature_in_France/ (Дата обращения: 12.04.2016).

Черкасов, Петр Петрович. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008.

Boutchik V. *La littérature russe en France*. Paris: Champion, 1947.

Cadot, Michel. *La Russie dans la vie intellectuelle française, 1839–1856*. Paris: Fayard, 1967.

Corbet, Charles. *A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894)*. Paris: Didier, 1967.

Haumant, Emile. *La culture française en Russie (1700–1900)*. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1910.

Pingaud, Léonce. *Les Français en Russie et les Russes en France: L'Ancien Régime, l'émigration, les invasions*. Paris: Perrin et Cie, 1886.

REFERENCES

Boginskaja A. D. Russkaja tema v tvorcestve Merime [Russian theme in the works of Merimee], in *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta*. T. 34. *Trudy zarubezhnoj literatury*. Vyp. 2. [Scientific notes of the Moscow Regional Pedagogical Institute. T. 34. Proceedings of Foreign Literature. Issue 2.] Moscow, 1955. P. 131–155. (In Russian)

Boutchik V. *La littérature russe en France*. Paris: Champion, 1947.

Cadot, Michel. *La Russie dans la vie intellectuelle française, 1839–1856*. Paris: Fayard, 1967.

Cherkasov, Petr Petrovich. *Russkij agent vo Francii. Jakov Nikolaevich Tolstoj (1791–1867 gg.)*. [Russian agent in France. Yakov N. Tolstoy (1791–1867)]. Moscow: Tovarishhestvo nauchnyh izdanij KMK Publ., 2008. (In Russian)

Corbet, Charles. *A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894)*. Paris: Didier, 1967.

Durylin S. N. P. A. Vjazemskij i «Revue Encyclopédique» [P. A. Vyazemsky and “Revue Encyclopédique”], in *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Moscow, 1937. T. 31/32. Kniga II. P. 89–108. (In Russian)

Haumant E. *La culture française en Russie (1700–1900)*. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1910.

Lotman, Jurij Mihajlovich. *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: Life and traditions of Russian nobility]. Saint-Petersburg: «Iskusstvo – SPb» Publ., 1994. (In Russian)

Mil'china, Vera Arkad'evna. *Rossija i Francija. Diplomaty, literatory, shpiony* [Russia and France. Diplomats, writers, spies]. Saint-Petersburg: «Giperion» Publ., 2004. (In Russian)

Mil'china, Vera Arkad'evna. «Russkij mirazh» kak proobraz «Russkoj idei». «Pre-dislovie k “Balalajke”» Polja de Zhjul'vekura [«Russian mirage» as the prototype of «Russian idea». Preface to the «Balalaika» by Paul de Julvécourt], in *K istorii idej na Zapade: «Russkaja ideja» (sbornik statej) / Pod red. V. E. Bagno i M. Je. Malikovoj* [On the history of ideas in the West: «Russian idea» (collection of articles) / Edited by V. E. Bagno and M. E. Malikova]. Saint-Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo Doma, izdatelskij dom «Petropolis» Publ., 2010. P. 206–217. (In Russian)

Pingaud, Léonce. *Les Français en Russie et les Russes en France: L'Ancien Régime, l'émigration, les invasions*. Paris: Perron et Cie, 1886.

Trykov V. P., Oshhepkov A. R. Vhozhdenie russkoj literatury v kul'turu Francii. Pervyj jetap ot Lomonosova do Pushkina [Appearance of Russian Literature in the Culture of France. The First Stage: from Lomonosov to Pushkin], in *Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»* [Information Humanitarian Portal “Knowledge. Understanding. Skill”]. 2011. № 4 (Juin–August). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/4/Trykov~Oshchepkov_Russian_Literature_in_France/ (Date of access: 12.04.2016).